

Новые имена

Соловей в погонах

Певец Вадим АНАНЬЕВ - звезда Ансамбля песни и пляски Российской армии им. Александрова. Один из зарубежных критиков отозвался о нем: «Если вы никогда не слышали, как поет соловей, то у вас есть возможность наконец-то насладиться его пением. Сходите на концерт «Александровцев» и послушайте Вадима Ананьева». Ананьев не только великолепный певец, но и удивительный отец, один, без жены, воспитавший сына.

- Сын родился, когда я был на гастролях. Возвращаюсь домой, а ему уже больше трех месяцев. Тут я с ним и познакомился, - рассказывает Вадим.

- А потом, как я слышал, жена от вас ушла, оставив вам сына, и вы один его воспитывали. Сколько ему тогда было лет?

- Три года.

- Вадим, а почему жена вас оставила?

- Не каждая женщина может выдержать, что ее муж почти постоянно на гастролях. К тому же она тоже певица, ей хотелось сделать собственную карьеру.

- И как вы занимались сыном, на кого его оставляли, когда уезжали на гастроли?

- Сейчас я даже не представляю, как мне все удалось - стать солистом, ездить на гастроли, получить звание, воспитывать сына... Тогда это шло как-то само собой. В выходные лепил с ним куличики в песочнице, когда уезжал, то с ним оставалась моя мама, сейчас она, к сожалению, умерла. Да и мир оказался не без добрых людей, многие помогали.

- Сколько сейчас сыну лет?

- Сейчас Владу пятнадцать. Уже взрослый, самостоятельный. Снялся в двух рекламных роликах на ТВ, бегает на кастинги. У него хорошие актерские данные, увлекается математикой. Кем станет, не знаю, но, думаю, не певцом. Слишком это тяжелый труд.

- Вадим, я слышал вас в концертах, но когда услышал, как вы поете на репетиции, поразился. Та же самоотдача. Может, стоит пожалеть себя!

- Да, на репетиции я пою в полный голос и волнуюсь так же, как на концерте. Что же до «жалеть», этого я не понимаю. Да и нельзя. У нас как у спортсменов. Чтобы находиться в прекрасной физической форме, они должны каждый день тренировать свои мышцы. Наши мышцы - связки, требующие каждодневного тренинга. Репетиции в ансамбле каждый день, кроме субботы и воскресенья, а до репетиции с оркестром я занимаюсь с концертмейстером. Вообще наш коллектив особенный - так, как поют у нас, не поют нигде. Иная подача песни. Наши тенора верхние ноты тянут так долго, что, кажется, мгновение, и сердце выскочит из груди. Тянешь, пока не чувствуешь, все, дальше не могу, и только тогда переходишь на коду.

- И где же рождаются такие голосистые тенора?

- Я родился в Куйбышевской области, в совхозе «Рабочий». Мой отец ветеринарный врач, мама - главный повар этого же совхоза. Природа наградила меня голосом, и, как мне кажется, происходит это независимо от того, где ты родился, в колхозе или в городе. Голос либо дается чело-

веку, либо нет. Мне он дарован свыше, я же его только старался развить.

- И как! Ведь в колхозе нет ни музыкального училища, ни консерватории, не брать же уроки пения у птиц!

- И у них можно поучиться. Но в те годы, в отличие от нынешних, было много детских самодеятельных кружков, клубов. И там, кстати, работали хорошие педагоги, которые могли понять, оценить способности ребенка. Родители отдали меня в музыкальную школу, там был хор, и я стал его запевалой, выступал на местном телевидении.

Потом мы переехали в Марийскую республику. Учась в школе, занимался в самодеятельности, пел в ансамбле. Потом пошел в армию, два года я прослужил в Белоруссии в ракетных войсках - был инструктором по измерительным приборам. И одновременно со службой пел и играл в армейском ансамбле.

- Вы еще и играете!

- Да. А после армии я поступил в Казанский институт культуры на дирижерско-хоровое отделение. Тут произошел интересный случай, на первом занятии педагог говорит мне: «Молодой человек, спойте что-нибудь». Я запел, и он удивленно спрашивает: «А зачем вы пошли на дирижерско-хоровое? Вам нужно на вокальное! У вас голос, поступайте в консерваторию!» Я все же закончил институт, а потом стал поступать в консерваторию. Меня сразу же взяли на второй курс и предложили место в оперном театре им. Мусы Джалиля. Но все оказалось не так просто, поскольку во времена СССР существовала установка: после окончания института от-

работать два года по полученной специальности. А моя специальность - клубный работник. Тогда я пошел к министру культуры Марийской АССР, объяснил, что меня берут на второй курс консерватории и предлагают место в оперном театре. На что он говорит: у нас есть оперный театр в Йошкар-Оле, и если вас возьмут, работайте там. Я прошел прослушивание, пел арию Владимира Игоревича из «Князя Игоря», и меня зачислили солистом в театр. За тот год, что там проработал, я много пел. А когда театр выехал на гастроли в Тулу, то подумал: ведь Москва рядом, надо попытаться счастье. Каждый мечтает о карьере в столице, мечтал об этом и я. И в один из выходных дней приехал в Москву и прямо в консерваторию. Профессор, который меня прослушивал, мне сказал: «Вы солист театра, у вас высшее образование, зачем вам консерватория? Идите, пойте». Но мне нужно было московское образование, я хотел получить тот уровень, тот стиль, который дает только столица. И после неудачи в консерватории отправился в институт им. Гнесиных на очередное испытание, которое проходил у выдающейся певицы и педагога Зары Долухановой. Она меня спрашивает: «Почему вы поступаете на дневной?» Я сказал, потому, что хочу учиться. Поступил, отучился

четыре года, получил диплом. И решил, что должен остаться в Москве. Здесь центр всего. И в 1986 году поступил в Ансамбль песни и пляски им. Александрова.

- Вас сразу взяли солистом?

- Нет, сначала в хор. У нас все в ансамбле сначала проходит через хор, в солисты не так уж легко выбиться. Но мне удалось. Первой песней, которую я исполнил как солист, стала песня Соловьева-Седого «На солнечной поляночке». Концерт проходил в бывшем клубе ЦК на Варварке. Безумно волновался. Но так случилось, что на репетицию пришел певец Юрий Богатиков, который после моего исполнения громко крикнул: «Браво». Это меня успокоило.

- А вы чем-нибудь увлекаетесь помимо пения?

- Я автолюбитель, но по Москве сложно ездить. Однажды застрял в пробке и на час опоздал на концерт. Теперь езжу на работу только общественным транспортом. Это удобно, едешь в метро и разучиваешь новую песню. Очень часто на языке оригинала. Предстоят гастроли в Китае, учу песню на китайском, Корея - на корейском, Турция - на турецком. А в автомобиле песни не поучишь. Есть и одно страстное увлечение - люблю собирать грибы. Как-то собираю грибы, вдруг мобильный звонит. Это меня из ансамбля разыскивают. «Вадим, ты где?» Я отвечаю: «В лесу». - «Да что ты там делаешь?» - «Грибы собираю».

- Скажите, а перемены в погоде как-то влияют на голос?

- Все влияет, не только погода. Но самое страшное для связок - это кондиционеры. Ужас. Связки сразу замерзают. Настроение тоже отражается на голосе. На днях у меня проходила запись компакт-диска, что-то мне не понравилось, я переволновался. И решил вообще отказаться в этот день от записи. Потому что голос уже не будет звучать так, как тебе хочется.

- Вадим, а как же концерты, ведь там тоже волнение, к тому же вы поете живьем, а не под фонограмму!

- Тут помогает зрительный зал, его энергия дает силы и успокаивает. К тому же я перед концертом ни с кем не общаюсь.

- Живьем поют и артисты ансамбля, и те, кого ансамбль приглашает в концерт!

- Да, это обязательное условие для всех. И для нас, и для приглашенных. Песня должна быть живой. Никакой фанеры. В западных газетах о нас так и пишут: «Это вам не фанера!»

- А на открытых концертах, на воздухе!

- Только живьем, неважно, дождь идет, ветер, холодно, а мы поем живьем.

- Я был на юбилейном концерте ансамбля, в концерте принимал участие Карел Готт. Выйдя к зрителям, он предупредил зал, что сильно простужен, но петь все равно будет. И запел знаменитую «Калинку», но не один, а вместе с вами.

- Да, это был очень опасный момент. Готт и впрямь был в тяжелом состоянии: с высокой температурой, простуженный. Я бы в таком состоянии выступать не стал. Но ему очень хотелось, и Карел попросил меня: «Помоги мне, спой две первые ноты в «Калинке». А «Калинка» начинается с

ноты соль, очень трудной. У всех исполнителей с ней проблема, а тут еще и простуженный Готт. Но мне кажется, мы с ним справились.

- На том же концерте выступал и Николай Басков, поблагодаривший ансамбль за то, что Николая «не приняли в коллектив». И теперь он этому очень рад, поскольку смог стать звездой шоу-бизнеса.

- Не знаю, зачем Николаю надо было придумывать эту байку. Я был на его прослушивании, на которое он пришел вместе с отцом. Всем понравилось, как он спел, и художественному совету, и хору. Все сказали: «В хор, в хор, в первые тенора», и его приняли в ансамбль. Но Николая, наверное, не устраивало, что надо начинать с хора, а ведь с хора начинали все звезды ансамбля.

- В репертуаре ансамбля только русская и советская песни!

- Нет, мы сильно изменились. Конечно, русская народная песня, советская песенная классика - основа основ. Но мы поем западно-европейскую классику, кантаты, оратории, духовную музыку. Так, на открытии храма Христа Спасителя Борис Ельцин, услышав нас, воскликнул: «Кого-кого, а уж восток не ожидал здесь услышать». У нас была программа духовной музыки, с которой мы выступали в храмах Франции. А во время гастролей ансамбля в США в 1989 году Барбара Буш воскликнула: «Вы слышали их? Вот как должен звучать гимн США!»

Был у нас интересный проект с финской рок-группой «Ленинградские ковбои». Вместе с ними мы участвовали в грандиозном рок-концерте, который проходил на открытом воздухе. На громадной площади - море людей. Когда мы вышли, да как грянули наши русские шлягеры, казалося, площадь взорвется от аплодисментов и криков «браво».

- А воинское звание у вас есть, ведь ансамбль военный!

- Да, я прапорщик. Все артисты ансамбля имеют это звание, нам его «подарил» в свое время Павел Грачев.

- Какая-то специальная диета существует?

- Особой диеты нет, это очень индивидуально. Переедать нельзя перед концертом, поменьше есть соленого, острого. Главное для певца - это выспаться хорошо.

- И удаётся!

- Иногда, учитывая наш насыщенный гастрольный марафон.

Владимир КОРСАКОВ.

Вадим Ананьев в Варшаве

2.02.04